

МЫ НИКОГДА
НЕ ЗНАЕМ...

Нас было трое. Я, Анька и Лена... Почему я вдруг начала вспоминать? Почему именно сейчас? Я что, подошла к какому-то рубежу? Решила уйти назад и дать оценку всему, что произошло с нами? Могло ли все случиться иначе и были ли шанс у каждой из нас что-либо изменить, выбрав другой путь? Или всё было предрешено заранее? Может, мы шли к этому, и всё лишь являлось запутанной закономерностью сложной цепочки событий? Порой жизнь кажется математической формулой, а мы горькими троечниками, не способными найти правильного решения.

Соня внимательно изучала себя в зеркало.

Хоть реанимацию вызывай! И почему с утра морда такая отёкшая? Вроде и не пьёшь, и не жрёшь много.

Вспомнились слова маминой подруги: «Сонечка, это не котлеты, это леты...»

Какие, нахрен, леты! Вот сяду завтра на диету, и мы ещё посмотрим, кто кого!

Она категорически не хотела стареть, считая старость непривлекательной и утомительной.

Соня попыталась немного натянуть лицо к вискам.

Ну вот если чуть-чуть! Совсем другое дело. Хоть скотчем приклеивай!

Дома было непривычно тихо. Она ненавидела тишину. Хотелось распахнуть окна, услышать жизнь хотя бы со стороны. Жить в центре Питера с открытыми окнами невозможно, утонешь в какой-то липкой пыли, похожей на копоть.

Раньше жили, и ничего! Высунешься по пояс из окна, или того лучше — заляжешь на подоконнике, а кругом гул, сигналы машин, обрывки смеха, фраз, стук каблучков. Напридумывали какие-то системы подачи воздуха, занизили потолки... Жить стало чище и скучнее.

Мы никогда не знаем...

Соня побрела на кухню и включила кофемашину.

И кофе раньше лучше был, и варили и мололи сами. Целый ритуал!

Соня пристроилась у вытяжки и затянулась сигаретой.

Так как же всё начиналось?

Она пыталась вспомнить. В голове всё смешалось и переплелось. Хотелось найти невидимый кончик, потянуть за него и вывалить наружу давно пережитое и запрятанное. Она помнила тот день. Смутно, но помнила. Аньку притащила какая-то знакомая. Кто? Неважно...

Соне муж из очередной поездки за рубеж привёз милые белые полусапожки с блестящими металлическими заклёпками. Он ходил в загранку на большом белом пассажирском судне. Работал барменом, а они в те времена рубили капусту поболее старпомов и капитанов. Мутили, скорее всего, что-нибудь, ну и чаевые получали в твёрдой валюте.

Да! Смешно, конечно, сейчас бы и в руки такие не взяла. Из искусственной кожи и, скорее всего, копеечные. Но тогда считались крутыми и стоили у спекулянтов приличных денег.

Сонька с грустью протянула сапоги — они были слишком узкими, и она сразу поняла: носить не сможет. Аня вцепилась в них, мгновенно натянула и радостно забегала по квартире.

— Сколько?

Знакомая, недолго думая, назвала сумму. Сонька покраснела и уставилась на неё, смешно выпучив глаза от удивления.

— Ладно, беру! — Анька недобро зыркнула на посредницу. — Сонь, телефон свой черкани, а я тебе свой оставлю.

Вдруг ещё что из шмотья появится. Я, если что, и своим показать могу, лишних денег не бывает.

Знакомая-посредница делала лица и была явно недовольна:

— Ань, я, между прочим, не знакомиться тебя привела, а сапоги покупать!

Сонька растерянно поглядывала на девчонок. Анька девчонка не из робких, за себя, видно, постоять умела. Она сразу понравилась Соне. Маленькая, с тоненькими ручками и ножками, и при этом всё при всём. Особенно Соню покорили огромные серо-голубые глаза, россыпь золотых веснушек на бледной мраморной коже и копна Анькиных русых кудрей.

Аня приехала из Одессы по напутствию еврейской мамы поступать в высшее учебное заведение Ленинграда — конечно, в Финэк. В первый год, завалив экзамены, не стала горевать, а выскочила замуж за одногодку из приличной еврейской семьи ленинградских стоматологов. Веня к учёбе был равнодушен и пошёл осваивать ремесло ювелира. В восьмидесятые это было совсем неплохим занятием. Приобрести что-либо стоящее было крайне затруднительно, даже обручальные кольца продавались по талонам ЗАГСа. Так что Аня и её одесские родственники считали, что она совсем неплохо пристроилась.

Соня отчётливо помнила, как захотелось с ней сдружиться. Именно такого человека не хватало ей по жизни. Знакомых было полно, а вот настоящей подруги не хватало. Сонька была ведомой, и ей обязательно хотелось кого-то сильного и надёжного. Аня подходила, она сразу почувствовала это, но та так и не позвонила.

Встретились они года через три, совершенно случайно. У неё уже была маленькая, вечно сопливая Лиза и муж,

который медленно спивался и больше не ходил в заграничку. Вскрылись какие-то махинации с алкоголем, и его, к счастью, без особого шума уволили. На берегу устроился работать опять же барменом в гостиницу «Ленинград», место хоть и прибыльное, но, видно, не по душе оказалось.

Соня с ужасом наблюдала за тем, как рушится их жизнь. Даже появление Лизы ничего не решило. Она поняла, что совсем не знала его и, наверно, совсем не любила. Партия-то вроде была неплохая, а виделись совсем редко. Где тут разглядишь! Спокойная жизнь, да ещё и при полном достатке, вполне устраивала Соню. Кто знал, что всё так обернётся? Она совсем не была готова к запоям и пьяным выходкам. Из гостиницы его поперли, денег не стало, а дочку растить надо. Думала на работу устроиться, а куда мелкую деть? Вечно болеет, в садик не отдашь. К матери не пойдёшь за помощью, у неё самой проблем выше крыши — простая медсестра в районной поликлинике. Отца она не видела ещё с начальной школы, вроде бабу какую-то нашёл. Деньги небольшие переводил, а вот видаться не хотел. Соня особенно не горевала, мать всегда ближе была. И как она ухитрилась её вырастить на такие крохи? Ведь и одевала всегда прилично и, как-никак, дала возможность педагогический закончить. И что, сейчас прийти к ней со всем своим дерьмом и с Лизой на руках?! А ведь предупреждала, что лёгкие деньги счастья не принесут! Видно, права была. — А почему лёгкие? Совсем и не лёгкие оказались!

Сонька вспомнила Ольгу, свою институтскую знакомую. Девка хорошая, давно, правда, не виделись. Оля была из интеллигентной питерской семьи, весёлая и предприимчивая. У неё всегда водились деньги, что-то вечно мутила и таскала ещё в институте какую-то заморскую мелочёвку на продажу.

— Оль! Привет! Увидеться надо, поболтать. Дело есть. Может, ко мне подрулишь? Лизку оставить не с кем!

Ольга ввалилась с коробками пирожных из «Метрополя» и бутылкой шампанского.

— Ну, что у тебя? Последний день Помпеи?

Сонька виновато заулыбалась, поправляя лохматые волосы. Потом махнула рукой и, едва сдерживая слезы, промямлила:

— Оль, научи меня деньги зарабатывать! Мне позарез нужны. Лето скоро. Ребёнка на море вывезти надо.

Лизка сидела на ковре и старательно перебирала колечки на деревянной пирамидке. Оля присела рядом.

— Какая славная! Тоже хочу дочку. Вот найду мужика приличного и тоже рожу.

— Оль! Нам жить не на что! Научи! Я ведь с ней одна теперь.

— Я думала, ты в шоколаде! Ну что... Открывай закрома. Твой вон сколько в загранку ходил. Поди, добра полный дом!

— Скажешь тоже! Добра!

Ольга рылась в Сонькином шкафу, то и дело выкидывая приглянувшиеся шмотки.

— Сумку носи! — командовала Оля. — Одевайся, сейчас к спекулянтке одной поедем!

— А Лиза?

— Что Лиза? С собой возьмём, раз деть некуда. Дети — это хорошо, только сколько мороки с ними. Нет, пожалуй, пока рожать не буду! — Ольга весело рассмеялась. — А давай я её одену, пока ты собираешься? Какая же она малюсенькая! А пальчики какие крохотные!

Они вывалились из парадной. Оля заботливо прижимала притихшую Лизку к груди, а Соня терпеливо тащила огромную спортивную сумку, набитую до отказа.

— Жалко? — спросила Ольга с сочувствием.

— Да иди ты! Скажешь тоже!

— Это точно! — рассмеялась Оля и подмигнула испуганной Соньке.

— Все это барахло можно в один день купить, были бы бабки!

На улице всю ночь валил снег, и дворничиха Наталья Сергеевна с утра орудовала лопатой.

— Куда ребёнка потащили? — возмущённо крикнула Сергеевна, поправляя серый оренбургский платок. — Сколько раз говорила: если надо куда, оставь Лизу, и притесь куда хотите!

— Какая строгая! — Ольга рылась в карманах. — Подожди, ключи найду. Вон тигрюша моя стоит.

Соня с уважением посмотрела на «Ладу» третьей модели.

— Твоя что ли? Сама купила? А «тигрюша» почему?

Ольга засмеялась.

— Так это самый некозырный цвет — рыжий. Других не было! Хорошо, что хоть эту достала по великому благу, ещё и переплатить пришлось. Ласково назвала, чтобы привыкать легче было! Ну и попривыкла как-то. Вот подкоплю немного и «дипломат» куплю. Ну сине-фиолетовую! Понтовая машина.

— И я куплю! — с твёрдой убеждённой сказала Соня. — Только водить не умею. А права есть!

— Ну так дело за малым! — Ольга прыснула от смеха.

Всю дорогу Соня мучала расспросами.

— А эта спекулянтка, она какая? Старая? Злая?

— Почему старая? Как мы, наверно. И не злая вовсе! Отличная баба. У неё отец какой-то партийный работник, а она во все тяжкие. И спекулем занимается, и по иностранцам ходит!

— За деньги? — Сонька вытаращила глаза.

— Не знаю, как за деньги, но за подарки точно. Просит, что в голову взбрёт! Даже шубы и кольца с бриллиантами!

— И что? Дарят?

— А куда они денутся? Она говорит — утром деньги, вечером стулья!

— Ничего себе! — Сонька заёрзала. — Неудобно же!

— Ей всё удобно! Кайфовая она, настоящая. Замуж за фирмача выйти хочет. Подлянку своему папаше подкинет! Он ещё тот хлыщ, ни одной юбки не пропустит. Даже ко мне клеился, козлина. А мать у Ленки что надо! Понимает и не лезет с нравоучениями. Типа твоя жизнь, ты и крои её, как хочешь. Не то что мои! Все учат! Что, если я не хочу на зарплату учительши жить? Я у них позор семьи... Ладно, приехали!

Ольга с пятой попытки коряво припарковала тигрюшу, перebrав весь запас отборного мата. Лена жила в красивом старинном доме недалеко от Театральной площади, с прекрасным видом на Крюков канал.

— Вы к кому? — строго спросила пожилая женщина, похожая на тех, что сидят на стульчиках в Эрмитаже и злобно поглядывают на посетителей в надежде к чему-либо придраться.

— Да мы к Лене из восьмой! Вы же меня сто раз уже видели!

Мы никогда не знаем...

— Видела, не видела... — консержка явно была не в духе.

— Ну так мы пойдём?

— Идите! Можно подумать, тут кроме Ленки никто и не живёт! Ползают с кутулями туда-обратно!

Ольге захотелось послать её куда подальше, да нельзя! Ещё стуканёт, куда следует. Хотя, скорей всего, уже нашептала участковому, как пить дать, коммунистка хренова! Сама не по закону сидит в парадной, а на других бочку катит!

— Лен, ну и бультерьер у тебя внизу сидит!

— Да ладно, прикормленная она. Что стоите, проходите!

Сонька затащила свою непосильную ношу.

— А это кто у нас тут? — Лена нежно схватила Лизку за пухлые щеки. Малышка смешно заулыбалась и потянула ручонку к совсем незнакомой тётке.

— Спокойная она у меня, никаких забот.

Соне полегчало. Ленка была простая, без выпендрёжа и совсем не похожа на русскую. Чистый интурист. Короткая мальчишеская стрижка, озорные серые глаза и грудь какого-то невероятного размера. На ней ладно сидели голубые потёртые джинсы, а в ушах поблёскивали бриллиантовые сережки. «Трофейные! — подумала Сонька. — Тоже такие куплю!»

Ленкина квартира была особенной. Соня молча бродила по гостиной и разглядывала причудливые статуэтки и старинные вазочки. Все было из какой-то другой, загадочной жизни. Ей нравились антикварные штучки, и она часто забегала в магазин на Наличную и подолгу бродила, разглядывая витрины массивных шкафов из красного дерева. Соне всё время хотелось купить хоть одну вещицу, пусть